

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-1-219-239

EDN: CSUOSR

УДК 811.161.1'276.1:316.7

Научная статья / Research article

Искажение социального идеала русской языковой личности конца XVIII — начала XX в. и его последствия

В.М. Шаклеин , А.А. Соколовская

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 vmshaklein@bk.ru

Аннотация. Выявляются причины сложившегося к XVIII в. русского традиционного социального идеала языковой личности европейца той эпохи и внутренние механизмы деформации и искажения этого социального идеала в конце XVIII — начале XIX в., что происходило, главным образом, в среде дворянской творческой интеллигенции, т.е. в литературных кругах. Именно тогда русская литература стала выполнять не только функции развития русского языка, разработки и укоренения в сознании народа исторической концепции России, но и дезориентации русской языковой личности в ее приоритетах и персонифицированных примерах развития. Данная роль, которую сыграла русская литература в истории России, характеризуется как деструктивная, способствовавшая искажению адекватного социального идеала языковой личности. Выявленный процесс расценивается в качестве внутренней российской проблемы, ни в коей мере не привнесенной извне. Причины его коренятся в географической и ментальной отдаленности русского дворянского сословия от главного цивилизационного центра того времени — Европы. В статье прослеживается дальнейшая эволюция процесса искажения социального идеала русской языковой личности на протяжении всего XIX и в начале XX века. С этой целью анализируется язык не только либеральной дворянской творческой интеллигенции, но и разночинцев, а также поэтов, вышедших из среды революционеров-террористов. В статье формируется историческая концепция неделимого единства развития социального идеала русской языковой личности на протяжении конца XVIII — начала XXI вв., утверждается внутренняя, внутринациональная природа происходившего процесса и его последствий.

Ключевые слова: семантика, ассоциативный эксперимент, экстралингвистические факторы

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Заявление о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 29.11.2024; дата приёма в печать: 15.12.2024.

Для цитирования: Шаклеин В.М., Соколовская А.А. Искажение социального идеала русской языковой личности конца XVIII — начала XX в. и его последствия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 1. С. 219–239. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-1-219-239>

© Шаклеин В.М., Соколовская А.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Distortion of the Social Ideal of the Russian Linguistic Personality in the Late XVIII — Early XX Century and Its Consequences

Victor M. Shaklein , Alena A. Sokolovskaya

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 vmshaklein@bk.ru

Abstract. The Russian linguistic personality, due to geographical and limited communication conditions, developed mainly in relative isolation. The article is devoted to the development of a new problem for Russian linguoculturology — the process of distortion of the social ideal of the Russian linguistic personality of the end of the XVIII — beginning of the XX century and its consequences. The article investigates the Russian traditional social ideal of linguistic personality, which had been formed by the XVIII century and in general corresponded to the social ideal of linguistic personality of the European of that epoch. The reasons and internal mechanisms of deformation and distortion of this social ideal in the late XVIII — early XIX century are revealed, which took place mainly among the noble creative intelligentsia, i.e. in literary circles. It was then that Russian literature began to fulfill not only the functions of developing the Russian language, developing and rooting in the people's consciousness the historical concept of Russia, but also disorienting the Russian linguistic personality in its priorities and personified examples of development. This role played by Russian literature in the history of Russia is labeled in the article as destructive, contributing to the distortion of the adequate social ideal of the linguistic personality. The identified process is regarded as an internal Russian problem, in no way brought in from outside. Its causes are rooted in the geographical and mental remoteness of the Russian nobility from the main civilizational center of that time — Europe. The article traces the further evolution of the process of distortion of the social ideal of the Russian linguistic personality throughout the nineteenth and early twentieth centuries. For this purpose, the language of not only the liberal noble creative intelligentsia, but also the Dissenters, as well as poets who came from the milieu of revolutionary terrorists is analyzed. The article bridges from the cultural and linguistic processes of the nineteenth century to the twentieth and twenty-first centuries. Thus the historical concept of indivisible unity of development of social ideal of Russian linguistic personality during the end of XVIII and the beginning of XXI centuries is formed, the internal, intra-national nature of the process and its consequences is asserted.

Keywords: semantics, associative experiment, extralinguistic factors

Authors' contribution: the authors contributed equally to this research and preparation of the article text.

Conflicts of interest: the authors declare no conflict of interest.

Article history: received: 29.11.2024; accepted: 15.12.2024.

For citation: Shaklein, V.M., & Sokolovskaya, A.A. (2025). The Distortion of the Social Ideal of the Russian Linguistic Personality in the Late XVIII — Early XX Century and Its Consequences. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(1), 219–239. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-1-219-239>

Введение

Историко-культурное развитие России и русского языка как основного поля, отражающего культурные процессы, вызывает некоторые вопросы. Главный и наиболее проблемный из них заключается в том, какую роль сыграла русская литература в смене вектора национального развития, в формировании в обществе антигосударственных, революционных и антирелигиозных

настроений, в превращении этих настроений в устойчивую историческую тенденцию, приведшую в конечном итоге к Октябрьской революции и Гражданской войне. Анализ данного вопроса и ответ на него чрезвычайно актуален для современной оценки гуманитарной деятельности в стране в целом, а также для прогнозирования возможных негативных последствий в случае возникновения деструктивных тенденций в этой деятельности.

Научная новизна исследования заключается не только в самой постановке вопроса о роли русской литературы в истории русской лингвокультуры, вернее, деструктивной части этой сыгранной роли, но и в ответе на этот вопрос в виде анализа процесса искажения социального идеала русской языковой личности. Также в исследовании впервые в отечественной науке прослеживается эволюция процесса искажения социального идеала русской языковой личности — от первых признаков данного процесса до его полного разворота и последствий в русской лингвокультуре.

Теоретическая значимость исследования восходит к выявлению роли социального идеала языковой личности в истории развития практически любой нации, любой страны. Делается вывод о том, что народ в своем историческом развитии может преодолеть практически любые возникающие проблемы и сложности. Главное, чтобы народ ставил перед собой адекватные цели развития, чтобы языковая личность типичного представителя этого народа имела персонифицированный социальный идеал. При отсутствии такого идеала, или при его искажении, никакие изначально выгодные условия не приведут народ к процветанию, а напротив, будут способствовать его упадку.

Целью исследования стало выявление процесса искажения социального идеала русской языковой личности конца XVIII — начала XX в. и его последствий. В число задач исследования вошло решение ряда проблем, связанных с определением сформировавшегося в XVIII в. адекватного социального идеала языковой личности, определение начала его деструкции, искажения и дальнейшее развитие этого процесса, вплоть до начала XX века. Объектом исследования послужил социальный идеал русской языковой личности. Предметом исследования — процесс искажения этого социального идеала, происходивший, главным образом, в поле русской литературы.

Практическая значимость исследования заключается в возможности критического подхода к некоторым устоявшимся концепциям роли русской литературы в истории отечественной лингвокультуры. Материалы статьи возможно использовать при анализе произведений русской литературы и культурно-языковых процессов на занятиях со студентами-филологами.

Методы и материалы

Основным материалом исследования послужили произведения русской литературы XIX — начала XX в. В их число вошли произведения поэтов-декабристов, А.С. Пушкина, поэтов и писателей-разночинцев, поэтов из числа

членов революционных и террористических организаций. В ходе работы использовались методы лингвистического, исторического, культурологического, текстологического и типологического анализа. В качестве методологической базы были привлечены работы таких исследователей, как С.Ф. Хантингтон (2003), П.А. Кропоткин (2018), Э.К. Виртшафтер (2002), П.П. Гайденко (2001), Р. Грищенкова (2015), В.Р. Лейкина-Свирская (1971), В.М. Маркович (1982), Т.И. Печерская (1999), В.М. Солнцев (1971), Н.А. Троицков (1996), А. Балатаев (2000).

Результаты

В XVIII в. в русской лингвокультуре сформировался адекватный социальный идеал русской языковой личности, предполагавший широкими слоями народа, включая дворянство, осознание в качестве персонифицированных образцов развития ряд успешных фигур, представлявших собой сподвижников царя Петра I. Это изначально были люди разных чинов, званий и даже национальностей.

Однако уже с конца XVIII в. в среде русского дворянства стало развиваться весьма далекое от реальности восприятие окружающего мира. Отдаление от народа, стремление приблизиться к европейской культуре, при неверном понимании сущности этой культуры, дало начало сложению в дворянской среде искаженного социального идеала языковой личности. Идеологической основой подобного рода социального идеала стала личность литератора, миропонимание романтически настроенного поэта, его отстраненность от естественного стремления к материальному благополучию и категорическое неприятие государственных управленческих структур.

На протяжении XIX в. наблюдалось развитие искаженного социального идеала. Если сначала процесс затрагивал лишь слои элитарного дворянства, то уже к середине XIX в. он стал характерной чертой так называемых разночинцев, к концу века — и самых широких кругов русского общества, включая представителей буржуазии и рабочего класса. Именно искаженный социальный идеал русской языковой личности в существенной степени стал первопричиной развития революционных и террористических движений, а в итоге революции и Гражданской войны. Объективная оценка сущности и роли социального идеала языковой личности в истории России служит непременным условием анализа и оценки происходящих сдвигов в ментальности современного российского общества, а как частность — в оценке той роли, которую сыграла русская литература в формировании и развитии русской языковой личности в период с конца XVIII в. по наши дни. В современной лингвокультурной ситуации следует отметить изменение вектора развития социального идеала русской языковой личности.

Обсуждение

Формирование социального идеала русской языковой личности XVIII в.

Согласно общей установке современной философии общества, социальный идеал представляет собой образ некоего совершенного общественно-го устройства [1]. Он отражает самые важные ценности конкретного общества [2; 3]. Однако эта философская формула слишком абстрактна и, поэтому, мало значима для индивида, представляющего собой типичную для конкретной культуры языковую личность, мыслящую стереотипами и понятными ей концептами. Именно поэтому, в современной лингвистике, направленной на изучение отражения культурных явлений в языке, возникло понятие «Personification of the social ideal» (персонификация социального идеала), под которым понимается языковая личность, образ абстрактного человека, социального типажа, на который равняется подавляющее количество членов данного конкретного общества в своей речи и культурных действиях, от самых успешных до маргиналов [4. Р. 92].

В рамках западных обществ на протяжении веков образы персонифицированного социального идеала формировались вокруг ряда концептов, представляющих успешную языковую личность, добившуюся того, о чем мечтает любой член общества. Это такие концепты, как *owner*, *entrepreneur*, *proprietor*, *millionaire* (хозяин, предприниматель, владелец, миллионер). Характерно, что в Оксфордском словаре английского языка подобная лексика отмечается специальными оценочными пометами, подчеркивающими ее цивилизационную значимость для языковой личности типичного англичанина [5].

Неизменной мечтой западной языковой личности традиционно выступали, как минимум, личная материальная обеспеченность, как максимум, богатство, возвышающее его над другими членами общества. Концептуально в языке это отражалось в ряде лексем, смысл которых сводился к следующему ряду: деньги, золото, доход, успех, независимость. Именно поэтому в глазах общества в качестве персонифицированных социальных идеалов выступали конкретные люди, сумевшие монетизировать свой правильный жизненный путь. При этом сам по себе этот путь не имел значения. Важен был результат. Человек мог добиться богатства разными путями. Он мог, начав с малого, развить крупное дело. Он мог стать популярным политиком, артистом, что принесло ему богатство. Вместе с тем он мог найти золотую жилу или ограбить банк. Главное состояло в том, что он в конечном итоге мог купить себе не только материальные блага, но и других членов общества.

Более того, если человек заработал свое состояние где-нибудь в колониях, как само собой разумеющееся предполагалось, что этот человек нарушал правила, принятые в метрополии. Слово *экспансия* употреблялось в отношении

монархов. В отношении же граждан, не облеченных столь почетными властными возможностями, употребляли слово *добыча*. Аморальное в колониях считалось нормой. По этому поводу лорд Пелмерстон, бывший персонифицированным воплощением социального идеала, писал: «По справедливости европейцев, территория и все, что есть на ней, должны принадлежать не тому, кто исторически здесь живет, а тому, кто более цивилизован» [6. Р. 64].

Подобного рода социальный идеал часто подвергался критике внутри самой западной цивилизации, но это была позиция, главным образом, газетчиков и политиков, эксплуатировавших морализаторские идеи, явно не входившие в основания социального идеала западной языковой личности. Мыслители растущей Российской империи к такого рода морализаторам не присоединялись. Уже в XIX в. и позже западная цивилизация стала оцениваться исследователями с двойственных позиций — как цивилизация, породившая великую культуру, науку, технологии, социальную и правовую систему, позволяющую практически всем членам общества вести достойную жизнь, и как цивилизация, характеризующаяся другим лексическим рядом: *экспансия, колониализм, рабство, грабеж, ссудный процент* [7].

Эта двойственность, однако же, дает критикам западного социального идеала весьма шаткие основания для далеко идущих выводов. Так, социальные идеалы иных цивилизаций, замкнувшихся в собственных идеях и ценностях, вели чаще всего к плачевным для национальной языковой личности результатам. Например, буддийская цивилизация, до хотя бы частичного перехода к западному идеалу, воспитывала языковую личность, ищущую миры внутри себя, отрицающую ценность материальных благ. Цивилизации Центральной Африки, как и цивилизации кочевников Центральной Азии, охотников и собирателей Океании, цивилизации индейцев Северной Америки, по С. Хантингтону, не приняли технократическое развитие в качестве составляющей социального идеала, а поэтому изначально погружали национальные общества в дикость и бедность¹. В результате итог развития целого ряда мировых цивилизаций по своим результатам выглядел весьма неприглядно, в сравнении с цивилизацией Запада. Соответственно, социальный идеал западной языковой личности объективно выигрывает на фоне любых незападных аналогов.

Практика показывает, что абсолютного, непогрешимого социального идеала, ведущего языковую личность по пути безукоризненного развития, не выработала ни одна культура. Однако, памятуя о всех крайностях и несовершенствах западного социального идеала, его следует признать, образно выражаясь, здоровым, ведущим общество по пути технического прогресса

¹ Хантингтон С.Ф. Столкновение цивилизаций [Пер. с англ. Ю. Новикова]. М. ; СПб. : АСТ, 2003.

и материальной обеспеченности, предполагающим развитие институтов независимого суда и гражданского права.

Все это представляет интерес в связи с оценкой весьма значимого периода развития социального идеала русской цивилизации, который условно можно ограничить XIX и началом XX в. Проводя свои реформы, русский император Петр I видел Россию, идущую по пути европейского развития; к концу XVIII в. Россия и внешне, и внутренне, с точки зрения институтов управления, образования и главного (технократического) вектора развития, встала на путь формирования здорового социального идеала.

Персонифицированно вершиной социального идеала России XVIII века стали разночинные сподвижники Петра I, Елизаветы Петровны и Екатерины II, добившиеся головокружительного успеха, чинов, наград, богатства, показывая преданность императорам и незаурядные способности в управлении. Это были такие персоны, как Александр Меншиков, Франц Лефорт, Андрей Остерман, Борис Шереметьев, Григорий Потемкин, Александр Суворов, братья Орловы, Екатерина Дашкова и многие другие. Фигурами второго ряда стали такие купцы и промышленники, как Никита Демидов, Алексей Бахрушин, Федор Мамонтов, Василий Щукин, Иван Перлов и др. Многие из этих персон изначально не имели дворянского достоинства, многие прибыли из-за рубежа и поступили на русскую службу, многие представляли социальные страты мелких торговцев, рабочих, крестьян. Тем не менее, своим умом, бесстрашием, а порой и хитростью, они сумели войти в элиту Российской империи, стать богатейшими людьми страны.

Именно эти люди своим примером сформировали новый для России социальный идеал, пришедший на смену князьям и боярам, главным достоинством которых была принадлежность к богатому древнему роду. Конечно, новый социальный идеал во многом опирался на умение построить отношения с монархом, но по своей сути это уже был европейский социальный идеал, соответствовавший своему времени. Таким образом, в XVIII в. в России сформировался здоровый социальный идеал, который стал ориентиром для русской национальной языковой личности. Казалось, этот социальный идеал как маяк, вектор, указатель движения, несмотря на традиционную техническую отсталость и крепостное право, обеспечивал стране развитие в лоне европейской цивилизации. Однако постепенно произошло искажение сформированного в XVIII в. социального идеала.

Начала и признаки искажения социального идеала русской языковой личности XVIII в.

XVIII век в России, как известно, был назван золотым веком дворянства. С материальной точки зрения русское дворянство, особенно высшая его страта, получила практически неограниченный доступ к ресурсам. Дворянству принадлежали земли, недра, население, а главное — власть. При этом к концу

века, когда время самородков и сподвижников императоров прошло, дворяне получали все это по праву рождения, не прилагая к этому особых усилий.

Одновременно в дворянской среде мода на все европейское стала образом жизни. Дворянский класс настолько глубоко вошел в галломанию, что его представители все русское в себе считали лишь казусом судьбы. Французский быт, французские моды и французский язык на фоне безмятежного существования стали основой формирования особого типа языковой личности — личности русского дворянина, считавшего себя исконным европейцем и сторонившемся всего национального: народа и его традиционных особенностей, государства и его традиционной системой управления. Примером может быть фраза героя комедии Д.И. Фонвизина «Бригадир», изданной в 1883 г.: «Тело мое родилось в России, это правда; однако дух мой принадлежал короне французской», перед текстом пьесы — нами образец речи молодого русского дворянина конца XVIII в.:

*...Сын его, в **дезабилье**, кобеняся, пьет чай.*

*Сын: Матушка, довольно видеть вас с батюшкою, чтоб получить совершенную **аверсию** к женитьбе.*

*Советница: Неужели ты меня мотовкой называешь, батюшка? Опомнись. Полно скиляжничать. Я **капabelьна** с тобою развестись, ежели ты еще меня так шепетить станешь.*

*Советница: Черт меня возьми, ежели грамматика к чему-нибудь нужна, а особливо в деревне. В городе по крайней мере изорвала я одну на **напильоты**.*

*Сын: **J'en suis d'accord**, на что грамматика! Я сам писывал тысячу **билъеду**, и мне кажется, что свет мой, душа моя, **adieu, ta reine** можно сказать, не заглядывая в грамматику.*

*Сын: Пожалуй, говори, что изволишь. Я **индиферан** во всем том, что надлежит до моего отца и матери.*

В приселенном отрывке используется лексика французского происхождения: **дезабилье** — домашнее утреннее платье, от фр. *deshabillé*; **аверсию** — отвращение, от фр. *aversion*; **капabelьна** — искаженное французское слово *sarable*, т.е. способна; **напильоты** — бумага для подачи блюд от фр. *rapillote* — бумажная обертка; **j'en suis d'accord** — фр. я с вами согласен; **adieu, ta reine** — фр. прощайте, моя королева. Автор, Д.И. Фонвизин, не был безусловным франкофилом, хотя, конечно, был сыном своего времени.

В 70-х годах XX в. как направление языкознания развивалась лингво-имагология, изучавшая отражение образа одного народа или страны в языке другого народа. Руководил направлением В.М. Солнцев, привлекавшая к исследованиям материалы русской литературы; он писал, что процесс отражения в языке одного народа культуры другого народа имеет оценочный компонент. Анализируя образ Иванушки в «Бригадире» и личность Фонвизина исследователь, вслед за Пушкиным (который считал Фонвизина истинно русским человеком — «...не фон Визин, а Фонвизин, потому что он русский-перерусский» [9. С. 76]), отмечал, что и Фонвизин,

и его герой Иванушка представляют собой типажи русских дворян конца XVIII века. «Они воспитывались в псевдо-французской, идеализированной, культуре, общались на французском. Русский язык им был нужен лишь для общения с представителями простого народа и старшего поколения. Но от этого они не становились французами, хотя нередко считали себя таковыми» [9. С. 77].

В описании Парижа в текстах писем Д.И. Фонвизина возникает ряд, казалось бы, несовместимых в языке рафинированного дворянина понятий — *великий, целый мир, искусство, варварство, бедность, грязь, вонь, свиной хлев, казни*. В данном случае необходимо отметить, что Д.И. Фонвизин путешествовал по Франции в разгар постреволюционных событий; частотно употребляемыми словами в то время во французском языке были — *tribunal* ‘трибунал’, *jugement* ‘приговор’, *exécution* ‘казнь’, *écartelage* ‘четвертование’, *guillotine* ‘гильотина’. Д.И. Фонвизин писал: «Париж отнюдь не город; его поистине назвать должно целым миром... Нет шагу, где б не находил я чего-нибудь совершенно хорошего, всегда, однако ж, возле совершенно дурного и варварского... Увидишь здание прекрасное и верх искусства человеческого, а подле него какой-нибудь госпиталь для дурных болезней; словом, то, что мы называем убогий дом, здесь среди города. Народ, впрочем, в крайней бедности и питается, можно сказать, одною *industrie* [ловкостью]. Зато здесь почти всякий день вешают и колесуют... Сам Париж немножко почище свиного хлева. Я вам наскучил уже описанием нечистоты града сего; но истинно, я так сердит на его жителей, что теперь рад их за то бранить от всего сердца. С крыльца сойдя, надобно тотчас нос зажать. Мудрено ли, что здесь делают столько благоуханных вод: да без них бы, я думаю, все задохлись»².

Нетрудно предположить, насколько герой комедии Д.И. Фонвизина в действительности был французом. Несомненно, он говорил, по-французски, особенно в среде своих сверстников, русский язык ему был нужен лишь для общения со слугами и с поколением своих отцов и дедов. Однако он мало знал о реальной французской жизни в период революции 1879 г. и после нее. Франция той поры была разорена, ее армия и флот вели тяжелые колониальные войны, страна переживала блокаду со стороны Англии, жизнь сопровождалась лишениями и голодом³. Концептуальная лексика, отражавшая революционные воззвания к свободе, равенству и братству (*liberté, égalité, fraternité*) на фоне массовых убийств, грабежей, разгула преступности и экономического коллапса быстро ушла

² Фонвизин Д.И. Письма из второго заграничного путешествия (1777–1778) / Собрание сочинений в двух томах. Т. 2. М.–Л.: Главное издательство художественной литературы, 1959. С. 437–439.

³ Манфред А.З. Великая французская буржуазная революция. М.: Государственное издательство политической литературы, 2018.

из языка простых людей⁴. Революция утратила свою привлекательность именно в глазах французов, но не в глазах русского дворянства, которое с конца XVIII века начало впадать в социальные иллюзии. На этом фоне начал формироваться особый тип языковой личности — романтически настроенного русского дворянина-революционера, жаждущего перемен в собственном государстве, вплоть до его разрушения и падения традиционных форм управления. Именно этот тип языковой личности — образованный, молодой, богатый, одухотворенный, внешне привлекательный дворянин — принимается за основу идеального образа человека, в основу нового, зарождающегося русского социального идеала.

Во вступительной статье к сборнику стихотворений русских поэтов Ю.М. Лотман отмечает, что рубеж XVIII — XIX веков был знаковым, переломным для русской культуры. Еще не так явно, но вполне ощутимо, на первый план в языке поэтов выходит слово «свобода» (*liberté*). «Что это за свобода, свобода для чего, для кого — не совсем было ясно. Речь не шла о свободе для народа. Скорее всего, это была свобода для образованных дворян, жаждавших вырваться из статуса подданных и перейти в разряд свободных личностей — граждан» [9. С. 4]. Наряду с лексемой «свобода» языковую личность дворянина-поэта дополняло слово «конституция» (*constitution*), предполагавшая отмену воли монаршего лица как проявления наивысшего закона и право жить на выдуманный «французский манер» [9. С. 7].

Добавим к словам Ю.М. Лотмана, что жаждавшие назвать себя гражданами русские поэты-дворяне ни в коей мере не думали о том, что в основе их материального благополучия лежат их земельные имения и труд крепостных крестьян в этих имениях, а также труд монарха, аппарата чиновников, полиции, армии, священнослужителей, охранявших сложившиеся отношения между классом дворян и классом крестьян. Поэты-дворяне рубежа XVIII — XIX вв. не обращали внимания на то, что первыми пострадавшими от Великой французской буржуазной революции стали именно монаршая семья и многочисленная аристократия, что парижская гильотина на площади Короля Людовика XV в годы революции редко стояла без дела, что именно они, представители высшего дворянского общества, пали бы жертвой революции, которую они уже тогда начали готовить в России.

Скорее всего, имевшие опыт подавления народных бунтов чиновники понимали опасность зарождающихся революционных идей. Но поэты-дворяне рубежа XVIII — XIX вв. поддерживали идею жертвы во благо социальных преобразований; сформировавшийся в обществе соответствующий социальный идеал оказывал воздействие на сознание поколения:

⁴ Кропоткин П.А. Великая Французская Революция 1789–1793. М.: Наука, 2018.

*Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?*

К.Ф. Рылеев

Определенным этапом в утверждении нового социального идеала русской языковой личности стало восстание декабристов 1825 г. Идейными вдохновителями восстания явились поэты-дворяне, представлявшие собой наиболее привлекательный образец языковой личности, духовным предводителем которых стал К.Ф. Рылеев, отставной офицер гвардии, председатель Русско-Американского торгового общества, землевладелец, обладавший немалым состоянием.

Основным концептом стихов К.Ф. Рылеева стала лексема *свобода* с сопровождающим концептуальным полем: *гражданин, тиран, битва, враги, восстание, кипящая душа, роковое время* и т.п. В этом же концептуальном поле работали и менее известные, поэты-декабристы — В.К. Кюхельбекер, А.И. Одоевский, Ф.Н. Глинка, П.А. Катенин, А.А. Бестужев, Н.А. Чижов и мн. др. За годы подготовки восстания были сочинены тысячи произведений, основной идеей которых стало свержение монархического строя, утверждение лозунгов Великой французской буржуазной революции.

В рамках данного концептуального поля работал и А.С. Пушкин. Наиболее известным его произведением этого ряда стала ода «Вольность», где поэт, обращаясь к событиям Французской революции, оправдывал казнь Людовика XVI, его жены, а также призывал к всемирному восстанию против монархов-тиранов:

*Тираны мира! трепещите!
А вы, мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы!*

Однако, как уже было отмечено В.С. Мейлахом, великий русский поэт пошел существенно дальше своих идейных единомышленников и впервые в русской истории представил образ поэта в качестве верховного морального судьи, выносящего оправдательный вердикт убийцам тирана — Павла I [10]:

*Глядит задумчивый певец
На грозно спящий средь тумана
Пустынный памятник тирана...
Погиб увенчанный злодей.*

Сложно сказать, в полной ли мере А.С. Пушкин осознавал свою причастность к формированию образа вольнолюбивого поэта как социального идеала русской языковой личности, однако с высоты сегодняшнего исторического опыта необходимо подчеркнуть и эту сторону его творчества. Образ избранного небом поэта, имеющего моральное право судить современное ему общество, не раз возникает в его стихах:

*Беда стране, где раб и льстец,
Одни приближены к престолу,
А небом избранный певец
Молчит, потупя очи долу.*

А.С. Пушкин. «Друзьям»

Усилиями А.С. Пушкина образ избранного небом поэта, писателя, философа, литератора входит в русскую культуру. Именно с тех пор в России утверждается новый социальный идеал русской языковой личности, представляющий собой не сподвижника великого монарха, не талантливое управленца, не промышленника и предпринимателя, осваивавшего пространства Урала и Сибири, а поэта, призывающего общество к свержению власти, убийству и социальным потрясениям. Трагедия ситуации заключалась в том, что в роли такого поэта мог почувствовать себя любой человек, способный сложить рифмы и недовольный своим существованием. Как в не-технократической цивилизации, уводящей человека вглубь себя, любой мог приблизиться к новому социальному идеалу, ощутить себя таковым.

Прошло немного времени после разбирательств по делам декабристов, когда разночинные асоциальные элементы, маргиналы, неопределившиеся и экзальтированные личности поверили в предложенный им социальный идеал и в силу его легкой достижимости встали на путь антигосударственной деятельности, целью которой стали расшатывание традиционных основ жизни, свержение существующей власти, развал империи. Данный социальный идеал языковой личности мы можем назвать искаженным, поскольку его установка уводила человека от сущностных традиционных ценностей, в основе которых лежит обогащение и технократическое развитие, к ценностям иллюзорным и пагубным как для самой языковой личности, так и для общества в целом.

Так, русское дворянство, считавшее себя европейцами, галломанами, на деле пришло к культуре антитехнократической, сформировав в масштабах страны искаженный социальный идеал языковой личности, в концептуальном отношении восходящий к следующему лексическому полю: поэзия, революция, убийство, свержение, террор, гражданин, тиран, битва, враги, восстание, роковое время и т.п.

Развитие искаженного социального идеала русской языковой личности во второй половине XIX — начале XX в.

Со второй половины XIX в. искаженный социальный идеал русской языковой личности получил новое качество. Это был период расцвета Российской империи, роста ее влияния в Европе и в мире. В 1861 г. было отменено крепостное право, развивалась промышленность, предпринимательство, укреплялись армия, флот, строились железные дороги. Ресурсы общества позволяли развиваться системе образования, искусствам, архитектуре,

философии, литературе, журналистике. В сознании русской языковой личности по-прежнему господствовал искаженный социальный идеал, ставший не атрибутом высшего дворянства, а способом самовыражения так называемых разночинцев.

Разночинцы представляли из себя слабо обеспеченную, но многочисленную категорию населения, к каковой относились выходцы из самых разных сословий — учителя, духовенство, мещанство, чиновничество и купечество. Они занимались, в основном, низко оплачиваемым умственным трудом. По своему исходному материальному состоянию им сложно было конкурировать как с дворянством, так и с утвердившейся в качестве социального класса буржуазией. Как правило, разночинцы получали не самое престижное образование, а порой и вообще не получали такового. Между тем именно разночинцы в попытках продвинуться в обществе и руководствуясь искаженным социальным идеалом, шли в поэты, литераторы, философы. Невозможность войти в социальную элиту они компенсировали настроенностью общества на искаженный социальный идеал. Большинство из них желало, минуя службу, чины, звания, награды, предпринимательские риски, стремительно войти в элиту общества.

В Англии или Франции, других европейских странах это было практически невозможно, но возможно в России, где ориентиром, эталоном общества был поэт с прогрессивными, как всем казалось, взглядами. Именно поэтому разночинцы стали носителями новой идеологии — демократической, либеральной, нигилистической, прогрессивной, социалистической или революционной. Нужно отметить, что данное целеполагание вынесло некоторых разночинцев на верх известности: В.Г. Белинского, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, А.И. Левитова [11–13]. В литературе разночинцы были представлены образами таких героев, как Евгений Базаров из романа И.С. Тургенева «Отцы и дети», Родион Раскольников из романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», Марк Волохов из романа И.А. Гончарова «Обрыв».

Разночинцы не создавали материальных благ, не управляли заводами и артелями. Скорее, они выживали, эксплуатируя искаженный социальный идеал русской языковой личности, распространившийся к тому времени в весьма значительных по численности прослойках городского населения. Идеология, которую они несли через создаваемые ими тексты, была, несомненно, разрушительна для современного им общества. Чтобы охарактеризовать язык, культуру и место в обществе разночинцев, можно обратиться к переписке сотрудников журнала «Современник» начала второй половины XIX в.^{5,6}. В 1855 г. в качестве эксперимента

⁵ Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем. Т. 18. М.: Наука, 1984.

⁶ Анненков П.В. Письма к И.С. Тургеневу. Кн. 1. СПб.: Наука, 2005.

Н.А. Некрасов принял на работу разночинца Н.Г. Чернышевского, концептами дискурса которого стали слова и выражения: свержение власти, революция, презрение к дворянству и мещанам, новая материалистическая эстетика, устаревшее дворянское искусство, социализм, беспощадность к угнетателям-дворянам и капиталистам, расправа крестьян с помещиками, всеобщее равенство. Сотрудники журнала, дворяне, считавшие себя либералами, потребовали от редактора удалить из журнала молодого человека. Однако Н.Г. Чернышевскому, сумевшему добиться популярности среди студенческой и иной учащейся молодежи, удалось не только закрепиться в журнале в качестве сотрудника, но и убедить Н.А. Некрасова пригласить туда таких неизвестных на тот момент литераторов, как Н.А. Добролюбов и Н.Г. Помяловский, писавших ярко и высказывавших явно революционные идеи, отражавшиеся в весьма радикальных концептах: устаревшие либералы, надоевшая интеллигенция, прогнивший царизм, ненавистные хозяева, революция, свобода, уничтожение властимущих.

В итоге новая генерация сотрудников объявила либералов-дворян во главе с Н.А. Некрасовым людьми бесполезными, скучными и даже вредными. Как выразился о И.С. Тургеневе, Н.А. Некрасове Н.А. Добролюбов, «Тургенев и Некрасов мне скушны. Я знаю их позиции, не желаю быть младшим братом дворянства, мне не о чем с ними говорить»⁷. И.С. Тургенев, понимая, что за молодыми сотрудниками стоят не просто радикальные идеи, а огромное количество читателей из числа разночинной молодежи, не стал бороться с ними. Ушел из «Современника». Перед уходом он произнес короткую речь, употребив в ней несвойственную ему лексику. Характеризуя новых сотрудников, писатель использовал следующие слова: неблагодарные, невоспитанные, недоучки, змеи⁸. Аналогичным образом журнал покинул Д.В. Григорович и другие дворяне-либералы.

Позже, в советском литературоведении данную смену состава сотрудников «Современника» характеризовали как движение журнала в сторону «революционной радикализации», что, наверное, было правильно [14. С. 83].

Сегодня можно предположить, что уход из «Современника» дворян-либералов ознаменовал утверждение в России новой ментальной доминанты в основе русской языковой личности — искаженного социального идеала, представленного позицией агрессивно и революционно настроенных литераторов, сочинения которых активно читали широкие слои населения, не обремененные элитарным образованием и светским воспитанием. В качестве лексического поля искаженного социального идеала прочно утвердились концепты революции, насилия, отказа от традиционных нравственных условий, борьбы, разрушения государства.

⁷ Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем. Т. 18. М.: Наука, 1984. С. 16.

⁸ Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем. Т. 18. М.: Наука, 1984. С. 18.

Для того, чтобы понять, насколько новая генерация разночинцев изменила русский литературный язык, необходимо перечитать юношеские дневники Н.Г. Чернышевского, буквально восставшего против либеральной дворянской созерцательности. Все его отвлеченные суждения происходили не от дворянского стремления к некоей призрачной свободе личности, а, скорее, от желания преодолеть сословную бедность, вырваться на поле истинной личной свободы, которой в условиях Российской империи мешала лишь невозможность вкушать ту материальную независимость, которую дворяне-либералы получали при рождении. Именно поэтому все отвлеченные рассуждения Н.Г. Чернышевского были наполнены нетерпением, желанием перемен.

В этом смысле интерес представляет повесть «Алтарь» Е.И. Замятина, террориста, позже — большевика, до революции входившего в боевую дружину Выборгского района. Его герои часто рассуждали на отвлеченные темы, но их выводы сводились к одному — к определению того, кого следует изгнать или убить. Так, интересна реплика одного из героев повести:

— Ну, Иван Павлыч, давай, брат, опять поговорим отвлеченно. Отвлеченно — про дьявола, стало быть⁹.

Вряд ли можно утверждать, что разночинцы искренне верили и следовали искаженному социальному идеалу. Скорее, они желали лично персонифицироваться в этом социальном идеале, стать читаемыми поэтами, писателями, властителями дум, то есть вырваться за рамки возможностей своих социальных страт. Также нельзя сказать, что недостаточное образование слишком им мешало в деле такой персонификации. Несомненно, среди них были талантливые писатели и поэты. Но именно эти талантливые писатели и поэты, добываясь своего, меняли, радикализировали русскую языковую личность. Происходило это не явно, а путем изменения подхода к языку, отражавшему не проникавшие ранее в литературу социальные реалии.

Рассмотрим, например, язык «Очерков бурсы» Н.Г. Помяловского¹⁰.

В целом речь описываемых героев-бурсаков тяготеет к книжным выражениям, которые, однако, употребляются в необычных для литературной традиции сочетаниях. Прежде всего, в глаза бросается разностилье в дискурсе бурсаков. Например:

Камчатка почивала на лаврах до сего дня спокойно и беспечно...

⁹ Замятин Е.И. Алтарь. Режим доступа: <https://www.livelib.ru/book/20130/read-alatyr-evgenij-zamyatin/~2> (дата обращения: 23.07.2024).

¹⁰ Здесь и далее: Помяловский Н.Г. Очерки бурсы. Режим доступа: <https://biblio.litres.ru/book/nikolay-pomyalovskiy/ocherki-bursy-172925/> (дата обращения: 23.07.2024).

В данном случае бурсацкий термин *камчатка*, т.е. задний ряд парт, где располагались отъявленные лентяи, два церковнославянских слова и нейтральные лексические единицы *спокойно и беспечно* организуют типичную для бурсаков фразу.

Бурсаки активно испытывают друг на друге приемы психологического и речевого воздействия. Речь их груба, однако, в отличие от уголовного жаргона, не имеет терминологической однозначности, она, скорее, уклончива, ориентирована на образование переносных смыслов:

Сбондили, слямсили, стилибонили, сперли, стибрили, объегорили, облапошили — перебивая друг друга, кричат мальчишки.

Любое из данных слов со сниженным значением занимает свое место в нарастающем экспрессивном ряду. Это своего рода коллективная речь детей, каждый из которых желает выразиться наиболее ярко, т.е. красочнее представить слово *украли*.

Н.Г. Помяловский как бы навязывает необходимость пояснить читателю смыслы бурсацкого дискурса:

сборная братия любила хватить, ляпнуть, рывкнуть, отвести кончик —

вся эта лексика означают не только громогласие, но и сниженное социальное положение бурсаков.

Глагол отражает наиболее яркую часть речи бурсаков. В лаконичном значении глагола, с косвенным указанием на действующее лицо, в сжатом виде представляется совокупность возможных действий:

отчихвостить, наяривает, дать раза, садануть, вытянул вдоль спины, что отмо-чил, ему влепили, шарахнуть по нотам, дергануть по текстам...

При этом у глагола редко ощущается переносное значение. Однако если таковое и возникает, то обычно по мысленному сопоставлению с бытующей в другой социальной среде лексикой, противопоставленной лексике чаще всего употребляемой. Бурсак как бы соотносит свою речь с речью далекого мира, находящегося вне бурсы:

Семинарист срезался (то же, что в гимназии провалился).

Означенные языковые эксперименты были весьма характерны для писателей-разночинцев. Ничего подобного либерально настроенные писатели-дворяне себе не позволяли. Со стороны разночинцев такое отношение к языку отражало не только лучшее знание жизни социального низа,

но и указывало на стремление радикализировать языковую личность читателя, увести от дворянской возвышенности и созерцательности, ввести его в некие реалии, которые необходимо было менять способами столь же жестокими и сниженными, как и сами эти реалии.

К 70-м годам XIX в. искаженный социальный идеал языковой личности настолько дезориентировал русское общество, что его внимание практически всецело было обращено на то, какие идеи рождались в головах писателей, поэтов, социальных философов. Эти идеи стали главным двигателем и вектором развития общественного сознания. Никого не интересовало, что сказали император или премьер-министр. Общество изначально было поставлено им в оппозицию [15]. Было куда интереснее знать мнение по тому или иному вопросу таких мастеров слова, как Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус, Ф.К. Сологуб, Н.М. Минский, В.Я. Брюсов, К.Д. Бальмонт.

В искусстве, поэзии и прозе стали возникать экспериментальные методы познания действительности. В русский язык и в сознание людей вошли такие объемлющие концепты, как авангард, футуризм, кубофутуризм, эгофутуризм, имажинизм. Для поэтов этих направлений был свойственен демонстративный отказ от эстетических идеалов прошлого, эпатаж, активное использование окказионализмов. Главным средством выражения, например, имажинистов стала метафора, метафорические цепи, соединяющие различные элементы нескольких образов. Сами образы делились на прямые и переносные. Для их творческой практики был характерен эпатаж и языковой анархизм [16].

Поэтические кружки возникали сотнями. Их члены вырабатывали собственные эстетические программы либо подражали кумирам. Членами кружков становились представители самых разных сословий, от мещан и священнослужителей до студентов и рабочих. Все это вносило хаос в сознание широких масс людей, дезориентировало их в сложной и меняющейся действительности бурно развивавшейся империи. Трагедия состояла в том, что ориентированный на творческое безумие искаженный социальный идеал признавал только одно мнение — мнение поэта-борца за призрачную свободу личности. Все более или менее упорядоченное понималось как враждебное. Враждебны были промышленники, торговцы, государственный управленческий аппарат. Поэт как социальный идеал был всегда в оппозиции. В результате в стране была сформирована социальная среда для принятия самых деструктивных идей, среди которых наиболее яркой и радикальной стала идея ухода человека в террор. Возникли активно поддерживаемые из-за рубежа боевые террористические организации, в буквальном смысле устроившие охоту за чиновниками имперского и губернского рангов.

Характерной особенностью русских террористов второй половины XIX — начала XX в. было то, что практически все они писали стихи, активно

публикуясь в разного рода журналах. Это дает возможность составить общий портрет языковой личности русского террориста той эпохи.

Главными, глубоко законспирированными террористическими организациями в Российской империи были «Народная воля», «Земля и воля», партия социалистов-революционеров, или эсеров, а также ряд других организаций, финансируемых из-за рубежа, а также возникавших самостоятельно, стихийно, существуя на собираемые в среде рабочих и предпринимателей деньги. Большого недостатка в рядовых членах террористических организаций не было. Всегда находились желающие отдать свою жизнь за некое дело, все равно какое, лишь бы оно было осмысленным. Данное обстоятельство явилось результатом деструкции сознания широких масс населения в условиях превалирования искаженного социального идеала.

Насколько было деструктурировано и деформировано сознание русских террористов, можно судить по оставленным ими многочисленным стихам и поэмам. Прежде всего следует сказать, что содержательно данные тексты порой не имели смысла. Поэты-террористы руководствовались принципом — все гениальное непонятно. Следовательно, стихи необходимо писать так, чтобы смысл их был непонятен и воспринимался как закодированный. Более того, среди поэтов-террористов господствовали идеи о том, что человек, идущий на смерть, не может написать бессмыслицы, что сама смерть движет его пером, что смыслы, вложенные в его стихи, должны будут выискивать благодарные потомки путем приложения немалых интеллектуальных усилий.

Иными словами, языковая личность русского поэта-террориста вытекала из сознания человека, плохо владеющего пером, мало смыслающего в поэзии, но убежденного в величии и осмысленности поступка, к которому его готовила организация, т.е., по сути, к тому, чтобы разрядить обойму пистолета в грудь чиновнику, либо бросить в его экипаж самодельную бомбу, взорваться на этой бомбе или быть пойманным, судимым военно-полевым судом и повешенным на тюремном дворе [17].

Б.Д. Оржих, террорист, социалист-революционер, обращается к абстрактному попавшему в тюрьму террористу:

*В крепость попал ты, мой милый!
Мертвая всюду царит тишина,
Изредка звон лишь унылый...
Много сынов здесь родимой Руси
Сносят тоску гробовую,
Многие годы сидят здесь и ждут,
Долгие, долгие годы!*

П.Н. Домбинов, член «Народной воли», террорист, акмеист писал:

*Бэрэ бомбэ,
Баху, траху,
Кровь и трупы перепажу...
Я средь трупов,
Трупом я,
Где же ты, звезда моя?*

Главным образом, поэзия террористов представляет из себя своеобразный поток сознания со случайным подбором слов и рифм. Между тем и здесь выделяется очерченный концептуальный ряд, представленный следующими лексемами: *бомба, бомбист, террор, кровь, трупы, тюрьма, виселица, смысл жизни, тот свет, любовь, память, потомки, свобода*.

Нет сомнений, что язык русского террора стал предвестником того, что называют революционным и советским новоязом, что совокупно можно представить как результат зарождения и развития искаженного социального идеала русской языковой личности. Начала формирования этого идеала наблюдаются в неверном истолковании таких концептов, как свобода и равенство, в неверной оценке окружающего мира, в зарождении в сознании элит действительных и возможных иллюзорных миров, что произошло на стыке XVIII—XIX вв, развилось в XIX столетии и перешло в XX в. Главным постулатом искаженного социального идеала русской языковой личности стало понимание поэта, его деятельности как ориентира развития, определяющего настоящее и будущее народа.

Заключение

Русская языковая личность, в силу географических и ограниченных коммуникационных условий, в основном развивалась в относительной изоляции. Находясь между Европой и Азией, Россия традиционно выбирала европейский, технократический путь развития, предполагавший определенный социальный идеал — успешную, богатую и свободную личность.

Не всегда русскому народу удавалось жить в соответствии с европейским социальным идеалом. Однако именно он в исторической ретроспективе выправлял неверный намеченный вектор развития. Это случалось и в моменты борьбы Московского царства и Крымской орды, в период освобождения от польско-шведской интервенции, выбора Петром I европейского пути, даже в периоды дворцовых переворотов, когда свержались монархии.

В конце XVIII века в русской лингвокультуре по сугубо внутренним причинам произошел надлом традиции, т.е. следованию традиционному социальному идеалу языковой личности. В среде элит в качестве социального идеала выдвинулся образ либерально настроенного поэта-дворянина. В России сформировался искаженный социальный идеал, уводящий народ от сложного, но здорового пути развития. Весь XIX век наблюдалось развитие данного деструктивного процесса. Искраженный социальный идеал начал влиять на сознание разночинцев и простого народа. Все это привело к разрушению

Российской империи изнутри, к Октябрьской революции, потерям и жертвам, которые до настоящего времени еще объективно не оценены.

Таким образом, сложная история России XVIII — начала XX в. представляет собой единый и логичный процесс разворотов в культурном развитии русской языковой личности, переходящий в XX и XXI века. Сегодня перед исследователями стоит задача объективной исторической оценки лингвокультурных процессов прошлого с целью выработки наиболее верного вектора развития, и на его основе — социального идеала языковой личности.

Список литературы

1. Мур Дж. Принципы этики. М. : Прогресс, 1984.
2. Storer N., Norman W. The sociology of science. Theoretical and empirical investigation. Chicago : University of Chicago, 1973.
3. Merton R.K. Social theory and social structure. N.Y. : Free Press, 1968.
4. Stonequist E.V. The Marginal Man. A Study in Personality and Culture Conflict. N.Y. : Free Press, 1961.
5. Чубур Т.А. Сопоставительный анализ коннотативных помет в русских и английских толковых словарях // Вестник ВГУ. Серия Филология, Журналистика. 2010. № 1. С. 114–118. EDN: MUEWGF
6. Marx K. The Story of the Life of Lord Palmerston, Swan Sonnenschein // New York Tribune. 1899. Vol. 12. P. 64–72.
7. Балатаев А. Эстетический образ мира в контексте межкультурных сопоставлений: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2000.
8. Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. М. : Наука, 1971.
9. Лотман Ю.М. Вступительная статья // Русская поэзия начала XIX века. Л. : Советский писатель, 1961, С. 3–11.
10. Мейлах В.С. Пушкин в ходе следствия и суда над декабристами // Известия АН СССР, Отделение литературы и языка. 1955. Т. 14. С. 124–135.
11. Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М. : Прогресс, 1971.
12. Печерская Т.И. Разночинцы шестидесятых годов XIX века: Феномен самосознания в аспекте филологической герменевтики. Мемуары, дневники, письма, беллетристика: дисс... д-ра филол. наук. Новосибирск, 1999. EDN: QDHGRZ
13. Маркович В.М. И.С. Тургенев и русский реалистический роман XIX века. Л. : Изд-во ЛГУ, 1982.
14. Гайденко П.П. Владимир Соловьев и философия Серебряного века. М. : Прогресс-традиция, 2001. EDN: RAYVIT
15. Гриценкова Р. Маски и лица Серебряного века. М. : Олма Медиа Групп, 2015.
16. Троицков Н.А. Народная воля и ее террор // Индивидуальный политический террор в России. 19 — начало 20 вв. М., 1996. С. 44–56.

References

1. Mur, G. (1984). *Principles of ethics*. Moscow: Progress. (In Russ.).
2. Storer, N., & Norman, W. (1973). *The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations*. Chicago: University of Chicago.
3. Merton, R.K. (1968). *Social theory and social structure*. N.Y.: Free Press.
4. Stonequist, E.V. (1937). *The marginal man: A Study in Personality and Culture Conflict*. N.Y.: Free Press.

5. Chubur, T.A. (2010). Comparative analysis of connotative explanatory notes in Russian and English dictionaries with definitions. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*, (1), 114–118. (In Russ.). EDN: MUEWGF
6. Marx, K., & Aveling, E.M. (1899). The story of the life of Lord Palmerston. *New York Tribune*, (12), 64–72.
7. Balataev, A. (2000). *The aesthetic image of the world in the context of cross-cultural comparisons* [PhD thesis]. Moscow. (In Russ.).
8. Solntsev, V.M. (1971). *Language as a system-structural formation*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
9. Lotman, J. (1961). Russian poetry of the early 19th century. In: *Poets of the early 19th century* (pp. 3–11). Leningrad: Sovetskii pisatel'. (In Russ.).
10. Meilakh, V.S. (1955). Pushkin during the investigation and trial of the Decembrists. *The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*, 14(2), 124–135. (In Russ.). EDN: RAYVIT
11. Leykina-Svirskaya, V.V. (1971). *The intellectuals in Russia in the second half of the 19th century*. Moscow: Progress. (In Russ.).
12. Pecherskaya, T.I. (1999). *The Raznochintsy of the sixties of the nineteenth century: Phenomenon of self-consciousness in the aspect of philological hermeneutics. Memoirs, diaries, letters, fiction* [PhD thesis]. Novosibirsk. (In Russ.). EDN: QDHGRZ
13. Markovich, V.M. (1984). *I.S. Turgenev and the Russian realist novel of the 19th century*. Leningrad: LGU. (In Russ.).
14. Gaydenko, P.P. (2001). *Vladimir Solovyev and the philosophy of the Silver Age*. Moscow: Progress-traditsiya. (In Russ.).
15. Grishchenkova, R. (2015). *Masks and faces of the Silver Age*. Moscow: Olma Media Grupp. (In Russ.).
16. Troitskov, N.A. (1996). People's will and its terror. In: *Individual political terror in Russia. 19 — beginning of 20 v.* (pp. 44–56). Moscow: Memorial. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Шаклеин Виктор Михайлович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и методики его преподавания филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); научные интересы: лингводидактика, методика преподавания русского языка как иностранного, культура русской речи, лингвокультурология; e-mail: vmshaklein@bk.ru ORCID: 0000-0003-3576-38-28, ResearcherID: Q-1143-2019, Scopus ID: 56531958300.

Соколовская Алена Александровна, ассистент кафедры русского языка и методики его преподавания филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); научные интересы: лингвокультурология, лингводидактика, культура русской речи; e-mail: sokolovskayav2001@mail.ru SPIN-код: 2128-7418. AuthorID: 1282973.

Information about the authors:

Victor M. Shaklein, Dr.Sc. (Philology), Professor, Head of the Department of Russian Language and Teaching Methods, Faculty of Filology, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198); Research interests: linguodidactics, Russian language teaching methodology, Russian speech culture, linguoculturology; e-mail: shaklein-vm@rudn.ru ORCID: 0000-0003-3576-38-28, ResearcherID: Q-1143-2019, Scopus ID: 56531958300.

Alena A. Sokolovskaya, Assistant at the Department of of Russian Language and Teaching Methods, Faculty of Filology, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198); Research interests: linguoculturology, linguodidactics, Russian speech culture; e-mail: sokolovskayav2001@mail.ru SPIN- code: 2128–7418. AuthorID: 1282973.